

— А-Цзинь!

Лицо Вэнь Цзиня смертельно побледнело. Голос за спиной потонул в оглушительном гуле, огненной волной накрывшем перрон. Этот хаос и дикий шум сливались в единую кошмарную какофонию, от которой немилосердно закладывало уши. Он нёсся прочь, ничего не замечая вокруг и уже не разбирая окликов.

Его гнал липкий, парализующий страх. Страх увидеть в глазах Сюй Сичжоу брезгливое отвращение и услышать роковые, беспощадные слова: «Вэнь Цзинь, я больше тебя не люблю».

Их юность завершилась вот так — бессмысленно, глупо и жалко.

Прежняя духовная близость, казалось, сгинула без следа — осыпалась сухими лепестками гибискуса в то далёкое, давно забытое лето. В них сегодняшних не осталось ни былой безрассудной храбрости, ни пылкой верности.

«Сюй Сичжоу больше меня не любит», — отстранённо подумал Вэнь Цзинь.

Впрочем, всё закономерно. Сичжоу — яркое солнце. Разве могло оно светить для него одного?

Задерживаться в городе Вэнь Цзинь не стал.

Но прежде чем отправиться в неизвестность и попробовать начать всё с чистого листа, он хотел навестить мать в родных краях — рассказать и о разводе, и об увольнении из школы.

Закончив с бумажными формальностями, он с поразительной поспешностью продал свою небольшую квартирку неподалёку от школы и принялся собирать вещи.

Ключи от их общего с Сюй Сичжоу дома Вэнь Цзинь перед самым отъездом отправил почтой его родителям. Через пару дней дойдут. Ему не принадлежало ничего в той роскошной вилле, да и какой смысл цепляться за то, что никогда не было твоим?

Юноша, которого он безоглядно любил в годы своей юности, наконец вырвался из этих душных оков и теперь шагнёт навстречу куда более ослепительному будущему. А сам Вэнь Цзинь так и останется потеряннным, сломленным человеком, бредущим наугад по тёмной дороге.

Потеряв Сюй Сичжоу, он лишился дома.

И теперь оставалось только одно: вернуться в родную глушь и узнать, готова ли мать принять

его хотя бы на время.

Билет на поезд Вэнь Цзинь взял заранее. Конечной точкой маршрута числился уезд И — то самое место, где прошло его детство.

О своём отъезде он не стал говорить Цзян Синю: не хотел лишний раз заставлять его нервничать. Позови он его — и Цзян Синь со своим неумным характером бросит все дела, соберет вещи и покатится вслед за ним. Вэнь Цзинь знал, насколько тот загружен работой, и отягощать друга своими бедами казалось ему последним делом.

Лишь оказавшись в зале ожидания, он достал телефон и набрал номер Цзян Синя.

Вокруг царила суматоха: шуршали сумки, гудели сотни голосов. Вэнь Цзинь растворялся в этой многоликой толпе — невзрачный, незаметный, абсолютно чужой для всех.

— А-Цзинь?

Гудок сбросился мгновенно. Голос на том конце провода звучал сдавленно и глухо — Цзян Синь явно вымотался на работе и снова провёл бессонную ночь над бумагами.

Все эти годы он свято держал данное когда-то обещание: быть для Вэнь Цзиня старшим братом и защищать его. В самые тёмные, беспросветные времена рядом всегда оставались они с Цзян Янь. До появления Сюй Сичжоу они были рядом; когда Сюй Сичжоу вошёл в его жизнь — они оставались поблизости; и теперь, когда Сюй Сичжоу ушёл, они всё так же стойчески подставляли плечо.

Казалось, рухнул весь мир, но в то же время что-то самое главное осталось неизменным.

— А-Синь...

Едва уловимые, горькие эмоции — та самая удушающая тоска, от которой сжималось сердце, — подступали к горлу только рядом с действительно близкими людьми.

Цзян Синь хоть и бывал порой невнимательным, мгновенно уловил надрыв в голосе друга:

— А-Цзинь, что случилось?!

Вэнь Цзинь прикрыл глаза. Потребовалось несколько секунд, чтобы набрать в грудь воздуха и тихо произнести:

— А-Синь, я уезжаю.

На том конце провода наступила пауза. Цзян Синь, похоже, не сразу сообразил, что кроется за этим «уезжаю», и переспросил с лёгкой растерянностью:

— А-Цзинь... ты... ты куда это собрался?

— Хочу съездить домой, — опустив взгляд, прошептал Вэнь Цзинь. — Навестить маму и дядю Чэня.

— А, ну так это же замечательно! — Цзян Синь облегчённо ухмыльнулся. — Давай тогда на праздник Весны рванём вместе?

Вэнь Цзинь помедлил. Из его груди вырвался сдавленный, прерывистый вздох:

— Я уволился, А-Синь. И... я больше сюда не вернусь.

— Что?!

— Здесь слишком больно, — с тихой тоской отозвался Вэнь Цзинь. — В этом городе я потерял слишком многое...

— А-Цзинь! Да ты что такое несёшь?! А как же я? А Янь?! — Голос Цзян Синя сорвался на крик. — А дядя Чэнь и твоя мама?! А тот паршивец Чэнь Кэ — он же совсем недавно втайне от тебя пытал у меня, как ты там! Мы все — твоя семья! Неужели ты опять сбежишь и закроешься от всех только из-за этого Сюй Сичжоу?!

До Цзян Синя наконец дошёл весь ужас происходящего. В его груди вспыхнула смесь отчаяния, злости и полного недоумения.

Ну за что?! Неужели какой-то Сюй Сичжоу стоит того, чтобы из-за него раз за разом ломать свою жизнь?! Неужели без него свет клином сошёлся?!

— Дело не в нём, А-Синь... — тихим, хриплым шепотом отозвался Вэнь Цзинь. — Раньше я рвался во внешний мир, верил, что наша глушь слишком тесна для моих мечтаний и будущего. Но вырвавшись оттуда, я понял: во всём остальном мире мне тоже нет места. И всё же я не могу смириться... Хочу поехать куда-нибудь ещё. Навещу маму с дядей Чэнем, а потом уеду из Наньчэна — просто посмотреть на другие края.

— В смысле — уедешь?! — Цзян Синь опешил. — Вэнь Цзинь, ты бросаешь всё только из-за Сюй Сичжоу?!

— Я просто хочу уехать подальше... — глотая слёзы, выговорил Вэнь Цзинь. — Хочу понять: может, это я совершил какую-то роковую ошибку, раз нигде не могу прижиться? Мне иногда

кажется, что всё происходящее — исключительно моя вина. Отец завел любовницу и ушёл, потому что я рос никчёмным и не оправдал его надежд. Сюй Сичжоу развёлся со мной, потому что я был слишком жалок и не достоин его... Знаешь, каково это — годами слышать за спиной: «Если бы не Вэнь Цзинь, Сюй Сичжоу поднялся бы куда выше»? Каждое такое слово жгло меня изнутри. Я дрожал от страха, думая, что действительно тяну его на дно... И вот прошло семь лет. Он всё-таки разлюбил меня. Зачем мне оставаться здесь? Зачем мозолить ему глаза и мешать жить?

Невидимый нож, торчащий в груди Вэнь Цзиня все эти годы, никуда не исчез. Вэнь Цзинь надеялся, что когда Сюй Сичжоу вырвет его, рана затянется, но старый рубец снова распорол по живому. Теперь эта застарелая боль отравляла всё существование, не оставляя сил бороться.

У Цзян Синя покраснели глаза. Он слишком хорошо понимал эту тупую, выедающую душу рефлексию друга. Ему стало безумно больно за Вэнь Цзиня, а в душе поселился страх, что тот действительно исчезнет навсегда.

— А-Цзинь... — перебивая, с мольбой в голосе заговорил Цзян Синь. — Ты забыл? На прошлых каникулах дядя Чэнь тайком звонил моему отцу, выпрашивал хоть какие-то новости о тебе! И Чэнь Кэ, и твоя мама — они же любят тебя! Да, твой отец оказался тварью, а Сюй Сичжоу бросил тебя. Но разве можно из-за этого перечеркивать всю остальную любовь?! А-Цзинь, послушай меня! В этой жизни каждый из нас что-то теряет. Посмотри на меня: я всю жизнь мечтал стать хирургом, а потом — бац! — авария, и моя рука больше не способна удержать скальпель... Я потерял всё, чем жил! Но ты... Пойми ты наконец: если кто-то уходит вперёд, а кто-то остается на месте — в этом нет твоей вины! Виновато время, виноваты обстоятельства, виновата чужая черствость, но только не ты!

— Но А-Синь... Он должен был жить легко и счастливо. А вместо этого получил разрушенный брак и потерял семь лет юности. Он остался в убытке, а виноват во всём я. Ты прав: мне не следовало вообще к нему приближаться...

Голос Вэнь Цзиня звучал пугающе ровно и отстранённо. Цзян Синь не видел, как мелкой дрожью бьётся его худое тело.

Терпение Цзян Синя окончательно лопнуло. Страх потерять друга перерос в отчаянную вспышку гнева:

— Вэнь Цзинь! Да сколько можно втаптывать себя в грязь?! Кто тебя упрекает?! Ты сам выдумал себе эту вину! Да мы все грешны! Но разве ты виноват в том, что тебя бросили?! Это они — эгоистичные сволочи! Неужели ты правда собираешься до конца дней гнить в канаве, как твердил твой папаша?!

После этих слов в трубке воцарилась тяжёлая, давящая тишина.

Было слышно лишь прерывистое, сиплое дыхание Цзян Синя. На конце провода, где находился

Вэнь Цзинь, не доносилось ни звука — словно там перекрыли воздух.

«От Вэнь Цзиня всё равно не будет никакого толку. Вечно мнётся, дрожит, точь-в-точь как девчонка... Да даже девчонки не бывают такими тюфяками! Отдали бы его лучше на завод, а то ведь и до моего уровня не дотянет».

Отцовские ядовитые слова, которые тот раз за разом вбивал в голову матери, снова всплыли в памяти эхом проклятия. В голове Вэнь Цзиня всё поплыло. Но в глубокой глубине этого тумана он вдруг почувствовал странный, почти ледяной покой.

А ведь отец не ошибся... Спустя столько лет он действительно ничего не добился. Только висел камнем на шее у любимого человека.

В этот момент сквозь шум в ушах Вэнь Цзинь смутно различил металлический голос диспетчера: объявляли посадку на его поезд.

Он с трудом поднялся, опираясь на выдвижную ручку чемодана, чтобы переждать приступ тошноты и головокружения.

Цзян Синь, наконец осознав, какую глупость ляпнул, панически затараторил в трубку:

— А-Цзинь, прости... Я сорвался, прости меня! Ты... ты только не уезжай, ладно?! Я сейчас приеду к тебе! Слышишь, не уезжай!

Вэнь Цзинь смотрел перед собой помутневшим взором. Голос друга долетал до него словно сквозь толщу воды.

— А-Синь, мне пора, — тихо произнёс он.

— А-Цзинь!..

Вэнь Цзинь знал, что Цзян Синь продолжает что-то кричать, но силы слушать окончательно иссякли. Он медленно опустил руку и сбросил вызов. А затем, катя за собой чемодан, зашагал вместе с людским потоком в сторону перрона.

Только опустившись на сиденье в вагоне поезда, Вэнь Цзинь смог наконец перевести дух. Сердце всё ещё норовило выпрыгнуть из груди, но тупая боль в глубине лёгких немного утихла. Он откинулся на мягкую спинку кресла и устало закрыл глаза, выдохнув скопившийся в груди холод.

За окном стоял ясный, погожий день. Из-за пелены перисто-белых облаков пробивался скупой, но необычайно чистый солнечный свет.

Вэнь Цзинь не знал, удастся ли ему ещё хоть раз увидеть небо над этим городом. Но возвращаться сюда он точно не хотел.

Навестив мать и дядю Чэня, он покинет Наньчэн и отправится на север. В какой именно город — неважно. Найти работу учителем, конечно, будет непросто, но имея за плечами реальный опыт преподавания, он как-нибудь перебьётся.

И больше он никого не подпустит к себе.

Слишком много боли. Слишком тяжело.

Его сердце слишком мало — оно смогло вместить лишь Сюй Сичжоу, и для кого-то другого там просто не осталось места.

Впрочем, сам он и так бы больше не смог заставить себя полюбить.

Вот только, уехав отсюда, он, скорее всего, больше никогда не увидит того человека.

Поезд плавно дернулся и набрал ход. Вэнь Цзинь сидел среди незнакомцев — кто-то из них возвращался домой, кто-то уезжал на чужбину — и неподвижно смотрел, как за окном медленно тает в дымке небо Наньчэна.

Возможно, в его душе навек поселилась тоска, но он хотя бы встретил того, кого искал. И жалеть было больше не о чем.

История, начавшаяся как спасение, завершилась банальным разводом.

Проще говоря: спасение не состоялось.

Они оба изранены, но Вэнь Цзинь любил его слишком сильно, чтобы позволить этой боли тянуться дальше. И потому решил уйти первым.

Цветы прорастают сквозь мою плоть, а на костях высечен твой образ. Солнечный свет ослепляет меня, и в этой полуденной дымке мне мерещится, будто ты стоишь под деревом с охапкой цветов...

Господин мой, я-то грешным делом думал, что ты ждёшь меня.

Я бросился к тебе, ликуя, и лишь тогда понял: я уже много лет как похоронен под этим самым

деревом.

А ты лишь выбрал погожий денёк, чтобы сойти в эту тень и помянуть наш семилетний брак, от которого никто из нас давно ничего не ждал.

Господин мой... Знай я заранее, что наша история закончится столь жалко и бесславно, я бы ни за что не переступил порог твоей жизни и не стал красть твоё время.

— Вэнь Цзинь.

<http://bllate.org/book/20019/1990549>